

23 МАЯ 1978

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСКИЙ
г. Свердловск

Актер, которого невозможно забыть

Каждый раз, когда мне удается побывать в Свердловске, я непременно прихожу в дом № 10 в Банковском переулке, чтобы навестить своего многолетнего товарища Бориса Федоровича Ильина.

И когда навстречу мне, приветливо улыбаясь, выходит он, чуть поплывший, отпустивший седоватые усы, я снова вижу знакомый обаятельный облик — красивое лицо, умные, с лукавинкой глаза, слышу его неповторимый мужественный голос, память моя устремляется в прошлое...

И вновь передо мной Одесса 1927 года. Театр русской драмы, прекрасная группа, в которой сверкали такие редкостные артисты, как Д. Зеркалова, М. Астангов, С. Петров, М. Ляров, С. Корнев... И среди этого созвездия мастеров нам, мальчишкам, больше всех нравился молодой «герой-любовник» Борис Ильин — красивый, стройный, умный и горячий, всегда глубоко раскрывавший свои роли... Едва ли нужно упоминать пьесы тех лет — многие давно забыты, но образы, сыгранные Ильиным, до сих пор всплывают в памяти. И, стремясь на сцену, я мечтал стать когда-нибудь таким актером, как Борис Ильин...

Стремительно летели годы. Когда профессиональным молодым артистом я был приглашен в Бакинский рабочий театр, Ильина там уже не застал — он работал в Свердловске. (Это было время «договорной системы» — актеры часто переезжали). Но я слышал восторженные воспоминания о его творчестве из многих уст.

— Да, это артист большого таланта и обаяния! — говорили мне коллеги.

— Ах, какой Арбенин в лермонтовском «Маскараде!» — вспоминали зрители зрелых лет.

— Ах, Борис Ильин! — вздыхали девушки. — Какой Чацкий!..

И, наконец, мы встретились в Свердловском драматическом театре. 27 лет наши судьбы шли рядом. Поступив в театр в 1939 году, во время первых гастролей в Москве, я увидел Ильина в роли Царя Федора в одноименной трагедии А. К. Толстого. Москва знавала многих исполнителей этой роли, вплоть до П. Орленева и И. Москвина. Но у Ильина был свой Федор — умный, добрый, любящий людей, но лишенный воли и силы. Это была трагедия человека достойного, но раздавленного деспотией свирепого отца. Все это «читалось» в исполнении Ильина. И тут же рядом пламенный и упорный до фанатизма Павел Греков в одноименной пьесе Войтхова и Ленча...

Вновь я услышал удивительный ильинский голос, умевший звенеть страстно и повелительно и «опускаться» до бархатной задушевности и подкупающей простоты. Теперь я узнавал Ильина не только как зритель, а как товарищ по театру, как партнер по некоторым ролям; узнавал как бы изнутри творческого процесса.

В коллективе удивительно гармоничном, где творили такие выдающиеся актеры, как М. А. Токарева,

Е. К. Дальская, Н. К. Петипа, Э. К. Малиновская, В. Г. Ордынский, В. Г. Георгиевский, А. Г. Шеин, Борис Федорович Ильин пользовался неизменным уважением. Оно принадлежало ему по праву таланта, редкой самодисциплины, умения трудиться до самозабвения. К его критериям и вкусу прислушивались руководители театра. Его выступления на собраниях всегда волновали коллектив...

Актерский диапазон Ильина был необычайно широк: он играл роли бытового плана — умел в них быть обаятельным и простым, ему были «подвластны» образы родовитых, породистых особ, людей властных и изысканных (Наполеон, адмирал Макаров). Он умел любить на сцене самозабвенно и нежно (Лаврецкий в «Дворянском гнезде») — дар чрезвычайно редкостный! Остро и зло исполнял Ильин персонажей «негативных», всегда объясняя, в чем причина и сила их коварства; таковы были его Эдмунд («Король Лир»), растленный князь Волковский («Униженные и оскорбленные»), подлый интриган барон де Геккерен («Гибель поэта» Вл. Соловьева), доведенный до злодеяния любовью де-Сильва («Эриани»).

Кого бы ни играл Ильин, перед нами был всегда образ незаурядный, в чьи чувства и мысли хотелось проникнуть, понять и познать их до конца.

И все же особенно удавались Ильину образы русских людей — натуры широкие, неумные, мятущиеся, протестующие. Таковы были его Привалов и Прозоров в произведениях Мамина-Сибиряка, Яков Бардин и Яропегов в горьковских пьесах. И особенно незабываемый чеховский дядя Ваня...

Все годы своей творческой жизни Борис Федорович вел на сцене партийную тему. Прежде всего — это образ Якова Михайловича Свердлова в пьесе Д. Деля «Большевик». Поразительная по глубине и внешней убедительности, эта работа актера изумляла не только рядовых зрителей, но и близких людей Якова Михайловича. Я помню, как жена Свердлова Клавдия Тимофеевна Новгородцева и его сын сказали Ильину, посмотрев спектакль:

— Это поразительно! Вы воскресили нам Якова Михайловича!

Невозможно забыть и еще некоторые роли коммунистов, сыгранные Ильиным и глубоко и задушевно, и обаятельно, и разнопланово.

Мне много раз доводилось быть партнером Ильина, играть с ним «в очередь» некоторые роли, наблюдать его в повседневном труде. Как он умел «погружаться» в роль, вскрывать текст, вносить предложения, «поворачивающие» характер героя в наиболее интересное направление. Так было, когда мы совместно готовили роль генерала Огнева («Фронт» А. Корнейчука). Эту роль Ильин сыграл и умно, и огненно.

Вот возникает передо мною его Сирано де Бержерак. О нет, нет — это не был легкий и изящный поэмист, каким часто играют героя романовской комедии. Ильин не любил и, пожалуй, не умел играть легковес-

ных острологов. Сирано Ильина был борец, поэт и воин, страстный любовник и мужественный обличитель. Никогда не забуду знаменитую сцену под балконом, где Сирано объясняется в любви Роксане от имени Кристиана. Играв Кристиана, я верил, что Роксана будет убеждена, покоре на «моей» любовью, так горячо и поэтично выраженной Сирано — Ильиным.

В последней картине спектакля, когда смертельно раненый Сирано приходит в монастырь к Роксане, Ильин поднимался до такой трагической высоты, что зал горестно замирал, волнуясь за судьбу героя, столь далекого от наших дней...

В последний раз мы встретились с Ильиным на свердловской сцене в спектакле «Потерянный сын» (пьеса А. Арбузова). Ильин играл Николая Эрнстовича Шварца — инструктора облздрави, я — его «потерянного сына» — главврача районной больницы Петра Огородникова. Шварц — удивительное творение Ильина. Запасливый, молодящийся и злой и вместе с тем растерянный и трогательный, саркастический и нежный. Могут показаться парадоксальными эти определения. Но все это было в игре актера. Автор сталкивает отца и сына в острых до необычности отношениях. Николай Эрнстович, «проставивший» свою жизнь в любовных приключениях, красноречивых и холостяцких утех, приезжает инспектировать районную больницу, которой заведует Петр. Он настроен агрессивно против главного врача. Он придирается к мелочам, направляет стрелы своего сарказма по адресу незадачливого, но ершистого Петра. Он готовит тенденциозный акт обследования с тем, чтобы потребовать отстранения главврача от работы и вдруг... узнает, что Петр его сын, некогда покинутый им и взращенный чужой, но благородной семьей. Радость находки и горечь утраты вспыхивают в душе Шварца: сын, его сын поймет! простит его за все, скрасит остаток его жизни, одинокую старость.

Этот кусок роли, когда Шварц, узнав сына, боясь и трепеща, пытается смягчить, оправдать свою вину, он играл с необычайно волнующим подъемом. Он был и жалок, и трогателен, и мелок, и горестен. По роли я должен был ненавидеть этого человека, так неожиданно сменившего свою подлую агрессивность чиную на заискивающий тон; но я видел Шварца таким растерянным и жалким в последней нашей сцене, что не мог сдерживать сочувствия к нему. Слезы застилали мне глаза, когда горькие рыдания раскаяния сотрясали этого старого, жалкого человека...

С той поры минуло 12 лет, но я храню благодарную память о тех днях, когда мне посчастливилось работать рядом с народным артистом СССР Б. Ф. Ильиным, испытывать на себе влияние его таланта.

Спасибо вам, Борис Федорович!

Борис МОЛЧАНОВ,
заслуженный артист РСФСР.